

Янин старательно потряс заключённые к коробочку из ладоней кости и выбросил их на стол. Два розовых кубика весело застучали по неровной столешнице самодельного, грубо сколоченного стола и замерли, повернув к потолку испещрённые чёрными точками поверхности. Увидев, что выпало, Янин облегчённо вздохнул. Шесть и пять. Одиннадцать. Хороший бросок, похвалил себя Янин и пододвинул кости корненогу.

— Давай, твой черёд.

Корненог сгрёб кости ловким движением одного из своих листьев-ладоней и почти сразу же выбросил их обратно на стол. Кубики подпрыгнули, станцевав под кастаньетный звук пару лихих вертяльвых па, и остановились прямо перед Яниным, нагло глядя на него двумя шестёрками.

— Вот чёрт, — ругнулся Янин, азартно схватил кости и сделал свой ход.

Девять.

У корненога, естественно, выпало девять.

Два последующих броска принесли Янину семь и снова одиннадцать. Корненог спокойно взял верх восемью и двенадцатью очками. Очередной круг игры прошёл с тем же результатом: Восемь у Янина, девять у корненога.

— Как тебе это удаётся?

Корненог повернул к человеку весь пучок зрительных волокон и взмахнул листьями.

— Ты же сам сказал: необходимо, чтобы выпадало больше, чем у соперника, — проговорил он глухим голосом, идущим откуда-то из глубин его толстого стебля.

— Вот я и выбрасываю больше...

— Я не про то. Как тебе удаётся выбросить ровно столько, сколько нужно?

— Я хочу, чтобы было больше, так и получается. Очень просто.

— Ага, просто, — буркнул Янин. — Я тоже хочу, только у меня ни черта не получается.

— Наверное, ты недостаточно сильно хочешь этого.

— Ну, да, — вздохнул Янин.

Корненог собрал кости и потряс их в своём широком, как лопата, листе:

— Сыграем ещё?

— Что-то не хочется. — Янин поднялся из-за стола и шагнул к двери. — Пойду лучше, посмотрю, что в огороде.

Земледелие на Деметре

Андрей АНИСИМОВ

— Там то, что ты посадил. Как обычно.

— Я хотел сказать: вдруг выросло что-нибудь новенькое. Например лаквея. — Янин толкнул тяжеленную, безбожно скрипящую дверь и вышел наружу, слыша за спиной стук костей. Закрыв дверь за собой, он остановился на пороге своего жилища и огляделся.

Вокруг сплошной стеной стояли вечно шепчущие и шевелящиеся заросли, от разнообразия форм и расцветок которых рябило в глазах. Хижина Янина стояла на довольно обширной поляне, и, помимо её самой, на поляне были ещё два заслуживающих внимания объекта: остатки его жилого модуля и огород.

Жилой модуль прослужил ему всего ничего, как и большинство построек, сооружённых на Деметре из инородных ей материалов. С первых же часов их появления местная флора начинала упорно «грызть» собранные или привезённые конструкции, превращая их в итоге в труху, в независимости от того, что это — металл или пластик. У местных форм растительности было какое-то патологическое неприятие всего чуждого, и она с настойчивостью маньяка истачивала всё подряд, начиная от взлётных площадок и кончая всевозможными механизмами, пропуская только разную мелочь, которую можно было унести в руках. По этой самой причине на планете до сих пор не было ни единого крупного поселения, а сообщение с прилетающими кораблями осуществлялось исключительно орбитальными челнока-

ми, неприхотливыми к характеру поверхности, на которую они садились. Тем не менее жилими модулями снабжали каждого добровольца; раньше, надеясь, что какому-нибудь да повезёт, сейчас же — для того, чтобы тот успел построить себе жильё из здешних деревьев. На такие расходы шли сознательно, так как в случае, если кому-нибудь да и удастся научиться выращивать лаквею искусственно, все затраты окупятся бы с лихвой.

Лаквея славилась своим соком, из которого производили вещество, многократно повышающее защитные и регенеративные способности человеческого организма. Всего нескольких граммов было достаточно, чтобы «естественным» путём побороть рак, или, скажем, отрастить ампутированный палец. Иначе говоря, это была

та самая долгожданная панацея от всех бед и болезней. Только собирать лаквею приходилось в джунглях Деметры, и встречалась она крайне редко. Естественно, при таком положении дел её пытались «одомашнить». Именно поэтому у каждого, кто брался за это, был собственный огород.

Огород у Янина был площадью с гектар, и по пестроте произрастающей на нём растительности мало чем уступал окружающим его зарослям. Часть его, относящаяся к первым посадкам, была чётко распланирована, снабжена табличками и пронумерована, остальная, большая, являла собой уже откровенно хаотичные насаждения. Весь участок был ограждён поржавевшей проволокой, на которой с комфортом расположился вьюн-клец — результат одной из бесчисленных янинских проб.

Стараясь держаться подальше от вьюна, Янин оглядел своё хозяйство, тайне надеясь, что увидит возделанные кусты с красноватыми резными листьями. Увы, посаженные им накануне семена взошли, но взошли почему-то пузатыми «помидорами», а не лаквеей. Впрочем, как обычно.

— Растёте? — поинтересовался у «помидоров» Янин.

— Растём, — грубовато ответил ближайший из них. — А что ещё остаётся, если ты нас тут посадил?

— Я вас не сажал, — отпарировал Янин. — На кой ляд вы мне сдались? Мне нужна лаквея, а не «помидоры».

— Если тебе нужна лаквея, так сажал бы лаквею.

— Чёрт тебя дерит! — взорвался Янин. — Я и сажал семена лаквеи. А выросли вы. Умник...

— Если б ты сажал лаквею, то получил бы лаквею, а то... — «помидор» осёкся на полуслове и взвизгнул. — Эй, куда лезешь!

Через заграждение пролез тупоносый росток бодальщика, ища, видимо, почву побогаче и бесцеремонно расталкивая остальных обитателей участка, за что и получил своё название. В огороде сразу загомонили, выпихивая наглого гостя.

Махнув на всё рукой, Янин вернулся к хижине и уселся на солнцепёке, слушающая вполуха доносящееся с огорода переругивание.

Неудача с последней посадкой была уже не то тысячной, не то двухтысячной на его счету, и миллионной, если брать в счёт все, которые когда-либо производились на Деметре. Поначалу всё казалось легко и просто: возьми семя, посади его в почву, полей (а можешь и не поливать, влаги и так хватает) и жди ростка. На практике всё оказалось куда сложнее. Зёрна с таким трудом найденных кустов лаквеи упорно не хотели прорасти растениями, подобными родительскому. Из них появлялось всё, что угодно, но только не лаквея. С семенами других растений, кстати, происходила та же чертовщина. Это противоречило здравому смыслу и тому, что люди уже знали о жизни и наследственности, но на Деметре, видимо, властвовали другие законы. Похоже, каждое зерно, каждое семя и спора носило в себе информацию о всех растениях, которые росли на этой сумасшедшей планете, после чего какой-то неизвестный фактор влиял на то, что, в конечном итоге, должно из него вырасти. Либо трансформации происходили уже в почве, каким-то образом меняя генотип с того, что был получен от родительского растения, на какой-то другой. В любом случае из семян лаквеи человеку почти ни разу не удалось получить именно лаквею.

Опыты, начатые учёными, продолжили хлынувшие на Деметру толпы искателей удачи. Этот шаг был прямым следствием отчаяния разгадать данный всепланетарный ребус, в надежде на то, что у кого-нибудь что-нибудь да получится. В случае успеха гарантировались

солидные премиальные. Вот почему он, Владимир Янин, сидит сейчас в десятках световых лет от родного дома, рядом со своей халупой, дуется в кости с корненогом и устраивает ежедневные перебранки с «помидорами», рыбохвостами, волосатыми «дынями» и прочими плодами его неудавшихся экспериментов.

Это стало обыденностью его жизни здесь. Он давно уже перестал удивляться тому, что многие местные растения имеют своеобразный, совершенно непостижимый для людей разум, двигаются и умеют говорить, одолев когда-то, давным-давно, человеческий язык и передавая эту способность своему потомству на генном уровне. И тому, что в его доме живёт одно из них, которое однажды просто проросло через его пол, как горошина из сказки, и сказало:

— Привет.

Как и нескончаемая, бесплодная погоня за удачей, зигждущая теперь на одном упрямстве.

Погревшись на солнышке, Янин вернулся в хижину.

Корненог продолжал стучать костями, бросая их то одним листом, то другим. Увидев входящего Янина, он оставил это занятие и поинтересовался:

— Как огород?

— Та же история. — Янин уселся за стол и хмуро уставился в противоположный угол. — Сажаю одно — получаю другое...

— Сажай то, что тебе нужно.

— Что б вас всех плесень сожрала, — беззлобно ругнулся Янин. — А я что делаю? Мне нужна лаквея, понимаешь, лаквея.

— Так сажай лаквею.

— Я и сажаю лаквею, — устало ответил Янин. — Сумасшедшая планета! Просто немыслимая планета. Ну где это видано, чтобы из семени подсолнуха выростали то берёза, то арбуз, то фикус. Каждый организм должен размножаться по роду своему. Любой порождает себе подобное. — Так оно и происходит, — заверил его корненог.

— Фигушки! Что бы я ни посадил, у меня каждый раз получается что-то другое.

— Значит, ты неправильно сажаешь, — заявил корненог. — Или семя не то.

Янин издал негодующее «пфуй» и подскочил к полке. Порывшись среди расставленных на ней банок, он извлёк из заднего ряда одну, открыл её и вытряхнул в крышку круглое и тёмно-серое, как свинцовая дробина, семя.

— Это что?

— Семя лаквеи.

— Ага! Вот и попробуй сделать так, чтобы из него выросла лаквея.

— Нет ничего проще, — заявил корненог. — Мне нужно немного почвы.

— Изволь. — Янин поставил перед ним большую жестянку, доверху наполненную землёй — Что ещё?

— Ничего. — Корненог бросил в землю семя и разровнял землю. — Теперь следует подождать.

— Да уж подожду, — заверил его Янин.

Остаток дня он провёл в дурном настроении, вконец выведенный из себя самоуверенностью своего жильца. Ложась спать, он был уверен, что завтра увидит какой-нибудь сиреневый лопух. Каково же было его удивление, когда утром в жестянке оказался крошечный кустик лаквеи.

— Чудеса, — пробормотал Янин, оглядывая растеньице со всех сторон. — А ты мог бы посадить ещё? У меня осталось целых три зерна...

— Конечно, — согласился корненог. — Нужны только место и почва...

Янин перетряхнул весь свой запас ёмкостей, заполучив, в конце концов, довольно объёмистую тару, попросту обрезав одну из канистр для воды. Одно семя он высадил сам, два других — корненог. К вечеру, семена дали всходы. Посаженное им опять оказалось какой-то серобуро-малиновой экзотикой, а те, что высаживал корненог, как и полагается дали жизнь ещё двум кустикам лаквеи.

Удостоверив сей факт, Янин уселся на свою кровать и задумался.

Что он и все остальные, кто пытались высадить лаквею, делали не так? Он внимательно следил за манипуляциями корненога, но тот просто опустил в землю семя, и более ничего. Он, Янин, произвёл те же действия, секундой позже, но у него снова ничего не вышло. Или тут дело в том, кто сажает?

Если теория воздействия дестабилизирующего фактора верна, то таким фактором вполне может оказаться... человек. Сами о том не подозревая, люди, берущие в руки семена, неким образом влияют на них, изменяя что-то в механизме воспроизводства, из-за чего в девятистах девяноста девяти случаях из тысячи выходит не то, что нужно. Корненог, дитя своей планеты, такого воздействия не оказывает, и поэтому...

Янин выпрямился. Неожиданно ему в голову пришла некая идея.

— Послушай, — обратился он к корненогу, — а мог бы ты посадить тут ещё таких же корненогов, как и ты?

— Конечно. Только зачем?

— Ну, — протянул Янин, стараясь скрыть блеск в глазах. — Кучей будет веселее, будем биться в кости и вообще я знаю множество разных других игр...

— Будет неплохо, — одобрил корненог. — Несколько семян я могу дать уже завтра.

— Для начала — достаточно. — Янин вытащил из-под кровати передатчик и водрузил его на стол. — А я пока переговорю кое с кем. Надо бы арендовать этот участок и заказать кучу всякой всячины. Эксперименты закончились. Наступило время переходить к следующему этапу — массовому производству!

* * *

Ферма Янина на Деметре — одно из самых достопримечательных мест. Помимо того, что это крупнейший поставщик лаквеи, это ещё и богатейшая коллекция растений Деметры, многие из которых можно увидеть только в самых её неприступных уголках. От туристов нет отбоя. Их нескончаемый поток тянется от ближайшего поселения с раннего утра до ночи. Первое, что они видят, подходя к ферме, — огромный щит, на котором буквами, размером под стать ему, написано:

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!
ФЕРМА «УЛЫБКА ФОРТУНЫ»
САМАЯ БОГАТАЯ ПЛАНТАЦИЯ
ЛАКВЕИ
САМЫЙ БОЛЬШОЙ
БОТАНИЧЕСКИЙ САД НА ДЕМЕТРЕ**

**САМОЕ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО
ГОВОРЯЩИХ РАСТЕНИЙ
В ОДНОМ МЕСТЕ**

И чуть ниже:

**САМЫЙ НЕОБЫЧНЫЙ
ПЕРСОНАЛ
УНИКАЛЬНОЕ ДЕЙСТВО:
РАСТЕНИЯ САЖАЮТ РАСТЕНИЯ!**

Всё, что написано, — сушая правда, в том числе и относительно последнего. У Янина и впрямь самые необычные работники на ферме: корненоги. Всё, посаженное на ней, — их, так сказать, рук дело.

Секрет успеха Янин хранит свято, хотя суть его у всех на виду, в трёх последних словах рекламного щита. В смысл этих слов как-то мало вдумываются, ища секрет в чём-то другом. А зря... тм